

УДК 111.852:7(460)"19"

Самосознание испанской эстетики в зеркале религии и философии XX века

Соловьёва Мария Борисовна

Аспирант кафедры культурологии,
Луганская государственная академия им. Михаила Матусовского,
291001, Российская Федерация, Луганск, ул. Красная Площадь, 7;
e-mail: mariakurkina23@gmail.com

Аннотация

Настоящая статья представляет собой попытку выявления и систематизации историко-философских и религиозных оснований, способствовавших формированию эстетики XX века в испанском культурном контексте. Отправной точкой анализа становится национальный кризис, вызванный катастрофой 1898 года, после которой общественное сознание обратилось к переосмыслению испанской идентичности, исторической миссии и культурной преемственности. Особое внимание уделено философии Хосе Ортеги-и-Гассета, чьи идеи о кризисе масс, необходимости формирования интеллектуальной элиты, а также концепт «жизненного разума» оказали решающее влияние на эстетические поиски поколения 98 и последующих культурных движений. Религия, в первую очередь католическая традиция, рассматривается не только как этическая и метафизическая опора, но и как источник символической репрезентации и художественного воображения. Через призму экзистенциального конфликта и духовного поиска анализируются такие явления, как сакральное в искусстве, риторика страдания, мотивы смерти и спасения, архетипические структуры и образы трансцендентного. Автор демонстрирует, как на пересечении философии, религии и художественного опыта формируется уникальный эстетический код, в котором кризис модерности находит своё отражение в напряжённом диалоге между традицией, новаторством и духовным измерением культуры Испании XX века.

Для цитирования в научных исследованиях

Соловьёва М.Б. Самосознание испанской эстетики в зеркале религии и философии XX века // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 6А. С. 19-26.

Ключевые слова

Испанская эстетика, философия Ортеги-и-Гассета, религия в искусстве, идентичность, культурные традиции.

Введение

Испанская эстетическая мысль XX века представляет собой уникальный феномен в истории европейской философии, сочетающий глубокие национальные традиции с современными философскими исканиями. В условиях глобализации культуры и унификации эстетических концепций, особую значимость приобретает изучение региональных философско-эстетических традиций, которые сохраняют свою самобытность и вносят оригинальный вклад в мировую эстетическую мысль. Испанская эстетика XX века, формировавшаяся в сложных исторических условиях политических потрясений, социальных трансформаций и культурных конфликтов, демонстрирует особый путь развития, где ключевые вопросы национальной идентичности, религиозного сознания и философского самоопределения, оказались тесно переплетенными. Особую значимость в творческом самосознании и самоконструировании «испанскости» приобретают философские идеи Хосе Ортеги-и-Гассета, а также духовные последствия кризиса национальной идентичности после 1898 года. В условиях утраты имперского статуса и внутренней фрагментации, испанская культура обращается к переосмыслению своих ценностных оснований. Цель настоящей работы — раскрыть, каким образом философские, религиозные и традиционные категории повлияли на формирование эстетического своеобразия испанской культуры XX века.

Актуальность данной статьи обусловлена недостаточной изученностью испанской эстетической традиции в отечественной науке и необходимостью восполнения существующих лагун в понимании европейской эстетической мысли XX столетия. В эпоху поиска новых форм культурной идентичности и переосмысления роли национальных традиций в глобальном контексте испанский опыт представляет особую ценность.

1898 год стал символической датой в истории Испании, ознаменовавшей конец некогда могущественной империи. Потеря последних заморских колоний (Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины и Гуам) в результате Испано-американской войны привела к глубинному кризису национального самосознания. В обществе возникла необходимость в переосмыслении собственной идентичности, поиска новых оснований для национального единства и обновления культурной парадигмы. В интеллектуальной и художественной жизни страны начался период, ставший поворотным моментом в развитии испанской мысли и культуры.

Основная часть

Испано-американская война 1898 года стала кульминацией процесса постепенного ослабления Испании как мирового игрока. Как подчёркивает историк Стэнли Пейн, потеря империи вызвала у испанцев ощущение унижения, вины и утраты исторического предназначения [Paune, 1991]. Разрушение имперской идентичности породило дискуссии о подлинной сущности «испанскости» (т.е. испанской идентичности), о её культурных корнях и перспективах.

Интеллектуальный ответ на кризис 1898 года был сформулирован группой писателей, философов и публицистов, известных как *Generación del 98*. Ключевыми фигурами этого движения стали Мигель де Унамуно, Анхель Ганивет, Пио Бароха, Рамиро де Маэсту и другие. Авторы стремились к возрождению духовной жизни нации и поиску новых идентификационных ориентиров. Мигель де Унамуно, в частности, в своём эссе «*О сущности Испании*» писал: «Испания должна вернуться к самой себе — к своей душе, к своему духу, к

своей трагической сущности» [Unamuno, 1906]. Для Унамуно кризис был не просто политическим или экономическим, а прежде всего духовным. Он рассматривал идентичность через призму религиозного и философского конфликта между верой и разумом, между бытием и ничто. Анхель Ганивет в работе *Idearium español* (1897) утверждал, что Испания не должна подражать чужим моделям модернизации, а обязана опираться на собственную уникальную традицию и этические ценности [Ganivet, 1897].

Культурный поворот после 1898 года заключался в отказе от внешней экспансии в пользу внутренней саморефлексии. Этот сдвиг проявился в различных формах:

- в литературе: появилась новая эстетика, основанная на простоте, честности и искренности; писатели обратились к сельской Испании, к проблемам народа и быта;
- в философии: усилился интерес к экзистенциальным вопросам, духовности, исторической памяти;
- в искусстве: от реализма к символизму, от внешнего величия — к внутреннему кризису.

Политический мыслитель и юрист Хоакин Коста сформулировал идею «регенерации» нации — восстановления её жизнеспособности путём реформ в образовании, экономике и управлении. Его лозунг «*Despensa y escuela*» («кладовая и школа») подчёркивал приоритет практического просвещения и борьбы с коррупцией. В своей работе *Oligarquía y caciquismo como la forma actual de gobierno en España* (1901) Коста пишет: «Мы страдаем не от внешних врагов, а от внутренних паразитов: от касты, от апатии, от бессилия воли» [Costa, 1901].

После 1898 года начинается критический пересмотр традиционной испанской мифологии: Реконкиста, Империя, Инквизиция — всё это больше не воспринималось как предмет гордости. Историки и писатели начали задаваться вопросами: каковы были реальные последствия колониализма? Что стоит за величием Испанской империи — духовная миссия или насилие? Существуют ли альтернативные формы «испанского проекта»?

Историк Хосе Альварес Хуникоса отмечает: «*После 1898 года испанская историография становится более критической, менее романтической и более рефлексивной*» [Álvarez Junco, 2001].

Одним из важнейших последствий культурного сдвига стало усиление региональных движений. В Каталонии и Стране Басков развивались собственные культурные проекты, основанные на языке, истории и самобытной идентичности.

Философ и педагог Энрике Тарналь Баск в 1916 году писал: «*Каталонцы должны строить свою идентичность не против Испании, а вне имперской тени — в культурной автономии*» [Tarnal Basque, 1916].

Каталонский Ренессанс (*Renaixença*) и баскский национализм Сабино Араны стали частью более широкой борьбы за то, чтобы каждый регион имел больше свободы и сохранял культурную самобытность.

Кризис идентичности, начавшийся после 1898 года, стал отправной точкой для модернизации испанской культуры. Он вызвал бурное развитие философии, литературы и общественной мысли, дав мощный импульс к интеллектуальному пробуждению. Этот поворот от внешней власти к внутренней рефлексии оказал влияние на последующие поколения — от Ортеги-и-Гассета до современных испанских философов.

Испания обрела способность к самокритике, что позволило ей справиться с новыми вызовами XX века — диктатурой, гражданской войной и переходом к демократии. Парадоксально, но именно поражение 1898 года стало тем «национальным шоком», который запустил процессы культурного оздоровления.

Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) — один из ключевых философов не только испанской, но и европейской мысли первой половины XX века. Его философская система оказала значительное влияние на формирование эстетических и культурологических представлений модерна. В центре его размышлений — кризис традиционных ценностей, изменение отношений между массой и элитой, а также поиск подлинного «я» в условиях массового общества. Эти темы оказались исключительно важными для эстетики XX века, особенно в рамках модернизма и постмодернизма.

Философия Ортеги строится на синтезе феноменологии, экзистенциализма и историзма. Он активно использовал методы герменевтики и критической интерпретации культурных явлений, стремясь описать не столько абстрактную истину, сколько конкретную человеческую жизнь в её исторической укоренённости. Его знаменитая формула — «*Yo soy yo y mi circunstancia*» («Я — это я и мои обстоятельства») — подчёркивает центральное место жизненного опыта в построении субъективной и культурной реальности [Gracia, 1996].

Как отмечает Мануэль Грасия в исследовании *La filosofía de Ortega y Gasset* (Gracia, M. (1996). Ariel), Ортега стремился к созданию новой формы рациональности — жизненного разума (*razón vital*), противопоставляемого рационализму Просвещения [Gracia, 1996]. В эстетике эта установка проявляется как отказ от объективных канонов вкуса в пользу культурного контекста восприятия искусства.

Одним из самых влиятельных эстетических трудов Ортега-и-Гассета стал сборник эссе *La deshumanización del arte* («Дегуманизация искусства») [Ortega y Gasset, 1925]. В нём философ анализирует радикальные изменения, произошедшие в европейском искусстве начала XX века. Он утверждает, что модернизм — это реакция на кризис буржуазной чувствительности, на усталость от сентиментализма и миметического реализма XIX века. «Современное искусство стремится уйти от человека, оно отказывается от изображения страстей и бытовых сюжетов, превращаясь в игру с формой, символом и идеей» [Ortega y Gasset, 1925]. Эта «дегуманизация» означает перенос акцента с содержания на форму, с переживания — на дистанцию, с реализма — на абстракцию.

Во второй крупной работе *La rebelión de las masas* («Восстание масс») [Ortega y Gasset, 1930], Ортега-и-Гассет формулирует тревожный прогноз относительно культурного будущего Европы. Он описывает наступление эпохи массового человека (*hombre-masa*), характеризующегося отказом от духовной глубины, превозношением комфорта над смыслом, враждебностью к элитарным формам культуры. Ортега считал, что искусство должно быть «затруднённым», требовать усилия интерпретации — только тогда оно выполняет культурную функцию. «Настоящее искусство не ищет понимания толпы. Оно предполагает исключительность» [Ortega y Gasset, 1930]. Это эстетическое убеждение легло в основу элитарной теории модернизма, на которой основывались многие художники, от Пикассо до Шёнберга.

В немецкой традиции его наследие продолжил Гадамер, который в *Истине и методе* (1960) указывал, что искусство всегда находится в диалоге с историческим горизонтом — тезис, близкий ортегианскому подходу к культуре как к «прочитываемой реальности» [Gadamer, 1988].

Ортега является частью более широкой европейской традиции «философии жизни», но он придаёт ей особую форму, обращаясь к исторической и культурной конкретике. Его «жизненный разум» — это попытка примирить субъективный опыт и объективную культуру.

Эта установка особенно ярко проявляется в его анализе эстетических феноменов: искусство — не отражение мира, а форма его интерпретации. Таким образом, Ортега предвосхищает

постструктуралистские идеи о «смерти автора» и роли интерпретатора.

Для Ортеги эстетика — это не только теория искусства, но и способ осмысления кризисной реальности. В его трудах эстетическое переживание служит метафорой культурного выбора: либо поддаться соблазну упрощённой массовой культуры, либо принять вызов сложного, многозначного, элитарного искусства. Эта дихотомия актуальна до сих пор. Современные теоретики, такие как Жак Рансьер и Славой Жижек, развивают подобные идеи в ключе политической философии искусства, а Ортега был одним из первых, кто систематически поставил вопрос об ответственности искусства перед культурной историей.

Философия Ортеги-и-Гассета занимает промежуточное положение между модернистской и постмодернистской парадигмами. С одной стороны, он защищает модернистскую установку на автономию искусства и интеллектуальную элитарность. С другой — его историцизм и культурная релятивизация предвосхищают постмодернистскую игру с формами и смыслами.

Как подчёркивает Умберто Эко в *Отсутствующем центре*, эстетика XX века неизбежно строится на фундаменте кризиса — именно то, что анализировал Ортега в своих работах 1920–1930-х годов [Есо, 1983].

Влияние философии Хосе Ортеги-и-Гассета на эстетику Испании XX века заключается не только в его концепции дегуманизации искусства или критике масс. Его идеи формируют новый способ восприятия искусства как феномена, включённого в культурную, историческую и экзистенциальную ткань жизни. Он стал важным звеном между классическим модернизмом и более поздними течениями — от экзистенциализма до постмодернизма, от феноменологии до герменевтики. Его философия продолжает влиять на современную эстетику, напоминая, что искусство — это не только объект созерцания, но и инструмент самопонимания в условиях культурной неопределённости.

История испанской эстетики XX века немыслима без анализа трансформаций, вызванных кризисом религиозных структур, а также переосмыслением культурных традиций. Эти два элемента — религия и традиция — исторически играли роль сакрального основания художественной деятельности. Однако в условиях модерности они подверглись радикальной ревизии. Понимание их роли позволяет глубже раскрыть истоки той эстетической революции, которая произошла в европейской культуре начала XX века — от экспрессионизма до сюрреализма, от модернизма до авангарда.

Под традицией в данном контексте понимается не просто повторение ритуалов и обычаев, а форма передачи символического и духовного опыта от поколения к поколению. Как подчёркивает Ханс Георг Гадамер в своей работе *Истина и метод* (1960), традиция есть «неписьменное основание понимания», без которого невозможна ни интерпретация, ни культура в целом [Gadamer, 1988].

Гадамер, продолжая линию Мартина Хайдеггера, утверждает, что любое эстетическое суждение укоренено в исторической традиции, которую мы не выбираем, но которая формирует наше восприятие. Таким образом, в преддверии XX века традиция выступает не как препятствие, а как культурное условие для понимания искусства.

Исторически искусство развивалось в религиозной среде: от средневековых фресок до барочных алтарей. В испанской традиции это особенно очевидно — достаточно вспомнить мистические полотна Эль Греко, где художественное переживание тесно связано с религиозным экстазом. Эстетика сакрального была центральной: искусство связывало человека с трансцендентным, с тайной бытия.

Мирча Элиаде в классической работе *Священное и мирское* (1957) указывает, что для

архаического и традиционного человека любое эстетическое действие было, по сути, религиозным актом. Это подтверждается в испанском барокко: у Франсиско де Сурбарана и Хуана де Вальдеса Леаля религиозный сюжет становился проводником духовного опыта.

Однако начиная с эпохи Просвещения религия постепенно вытесняется из общественной и культурной жизни. В XX веке в Испании, как и в остальной Европе, наступает эпоха духовной дезориентации. Эта тема звучит у философов "Поколения 1898 года", в частности у Мигеля де Унамуно, который в Трагическом чувстве жизни (1913) ставит вопрос о поиске смысла в условиях разрыва с религиозной традицией [Unamuno, 1906]. Его размышления о вере, сомнении и бессмертии резонируют с кризисом эстетики: искусство утратило свою ритуальную функцию, но сохранило жажду абсолютного.

В литературе ощущение духовной опустошенности находит отражение в произведениях Федерико Гарсии Лорки, особенно в Кровавой свадьбе или Доме Бернарды Альбы, где традиционные образы сталкиваются с модернистской тревогой. Лорка, вдохновляясь андалусским фольклором и католическим символизмом, создает эстетический синтез мифологического и современного.

В живописи XX века, несмотря на авангардный разрыв с реализмом, сохраняется глубокая символическая структура. Сальвадор Дали, яркий представитель сюрреализма, вводит в свои работы религиозные мотивы: распятия, Мадонну, ангелов. Его Христос святого Иоанна Креста (1951) — пример того, как даже в эпоху секуляризма художник обращается к сакральным архетипам. Хосе Мария Серт, работая в традиции монументальной живописи, создаёт образы, насыщенные религиозным и философским содержанием, обращаясь к коллективной памяти и духовным основаниям культуры.

Испанские философы, такие как Хосе Ортега-и-Гассет, анализировали положение искусства в условиях модерности. В Дегуманизации искусства (1925) Ортега указывает, что современное искусство отдаляется от человека, теряет эмоциональную непосредственность и «религиозную прозрачность», заменяя их игрой форм. Это свидетельствует о кризисе традиционного символизма и попытке найти новое измерение смысла.

Тем не менее, в эстетических поисках «испанскости» в XX веке, религиозная тематика не исчезает, а трансформируется. В творчестве Антони Тапиеса мы видим своеобразную «мистику материи» — абстрактные формы обретают почти литургический характер, отражая сакральное в нерелигиозной форме. Архитектор Антонио Гауди, начавший свою работу ещё в XIX веке, завершает Саграда Фамилия как метафизический проект, в котором синтезируются католическая традиция, органическая форма и модернистская символика. Даже в XX веке храм остаётся живым примером того, как искусство может быть проводником к трансцендентному.

Заключение

Таким образом, испанская эстетика XX века переживает сложный, но плодотворный диалог с религиозной традицией. Разрушение старых символических структур становится толчком к поиску новых форм сакрального. В эпоху авангарда и постмодерна художники, поэты и мыслители продолжают обращаться к универсальным архетипам — уже не как к догмам, а как к ресурсам внутреннего переживания, культурной памяти и эстетической интуиции.

Ценностно-смысловые доминанты испанской эстетики XX века формируются в условиях кризиса культуры, связанного с разрушением традиционных форм мировоззрения, национальной идентичности и культурной целостности. Эстетическое сознание стремится

ответить на вызовы эпохи, обращаясь к искусству как к сфере, способной сохранить смысловое единство.

Испанская мысль XX века подчеркивает важность формы как носителя значения. Эстетика все больше осознается как автономная область, обладающая собственными законами и внутренней логикой, отличной от утилитарных или политических задач. Искусство становится не просто способом выражения действительности, а способом её структурирования и интерпретации.

Идея целостности, единства формы и содержания, внутреннего порядка, становится ответом на хаос и распад внешнего мира. Эстетика в Испании стремится не столько отразить реальность, сколько создать новую реальность – более гармоничную, осмысленную, устойчивую.

Философия культуры в Испании рассматривает культуру как способ бытия, в котором человек раскрывает свою духовную сущность. Эстетика, таким образом, обретает онтологическое измерение, становясь способом самоопределения личности в условиях кризиса. Через обращение к искусству, литературе, архитектуре, философии, испанская эстетика XX века формирует особое ценностное пространство, где сохраняются идеи меры, гармонии, внутренней дисциплины и глубинного смысла.

В этих условиях эстетика становится не просто теорией прекрасного, а способом сопротивления утрате смысла, инструментом духовного выживания и самосознания.

Библиография

1. Álvarez Junco, J. *Mater dolorosa: La idea de España en el siglo XIX*. — Madrid: Taurus, 2001. — 496 p.
2. Costa, J. *Oligarquía y caciquismo como la forma actual de gobierno en España*. — Madrid, 1901. — 208 p.
3. Eco, U. *The Open Work*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. — 288 p.
4. Eliade, M. *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion*. — New York: Harcourt, 1957. — 256 p.
5. Ganivet, A. *Idearium español*. — Granada: Ed. Comares, 1897. — 168 p.
6. Gadamer, H.-G. *Истина и метод*. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
7. Gracia, M. *La filosofía de Ortega y Gasset*. — Barcelona: Ariel, 1996. — 312 p.
8. Lorca, F. G. *Кровавая свадьба*. — Пер. с исп. — М.: Искусство, 1975.
9. Lorca, F. G. *Дом Бернарды Альбы*. — Пер. с исп. — М.: Искусство, 1975.
10. Ortega y Gasset, J. *La deshumanización del arte*. — Madrid: Revista de Occidente, 1925. — 128 p.
11. Ortega y Gasset, J. *La rebelión de las masas*. — Madrid: Espasa-Calpe, 1930. — 208 p.
12. Ortega y Gasset, J. *Meditaciones del Quijote*. — Madrid: Renacimiento, 1914.
13. Payne, S. G. *Spain: A Unique History*. — Madison: University of Wisconsin Press, 1991. — 320 p.
14. Tarnal Basque, E. *Catalunya i la regeneració espiritual d'Espanya*. — Barcelona, 1916. — 72 p.
15. Unamuno, M. *Del sentimiento trágico de la vida*. — Madrid: Renacimiento, 1906. — 304 p.
16. Vicente y Guerrero, G. (coord. y ed. lit.). *El renacimiento ideal. La pedagogía en acción de Joaquín Costa*. — Zaragoza: Institución «Fernando el Católico», 2014. — 318 p.

Self-Consciousness of Spanish Aesthetics in the Mirror of 20th Century Religion and Philosophy

Mariya B. Solov'eva

PhD Candidate, Department of Cultural Studies,
Mikhail Matusovsky Lugansk State Academy,
291001, 7 Krasnaya Ploshchad str., Lugansk, Russian Federation;
e-mail: mariakurkina23@gmail.com

Abstract

This article attempts to identify and systematize the historical-philosophical and religious foundations that contributed to the formation of 20th century aesthetics within the Spanish cultural context. The analysis begins with the national crisis triggered by the 1898 Disaster, after which Spanish consciousness turned to rethinking national identity, historical mission, and cultural continuity. Particular attention is paid to the philosophy of José Ortega y Gasset, whose ideas about the crisis of the masses, the need for intellectual elites, and his concept of "vital reason" proved decisive for the aesthetic explorations of the Generation of '98 and subsequent cultural movements. Religion, particularly Catholic tradition, is examined not merely as an ethical and metaphysical foundation, but as a source of symbolic representation and artistic imagination. Through the lens of existential conflict and spiritual quest, the study analyzes phenomena such as the sacred in art, the rhetoric of suffering, motifs of death and salvation, archetypal structures, and images of transcendence. The author demonstrates how at the intersection of philosophy, religion, and artistic experience there emerges a unique aesthetic code, where the crisis of modernity finds expression through the tense dialogue between tradition, innovation, and the spiritual dimension of 20th century Spanish culture.

For citation

Solov'eva M.B. (2025) Samosoznanie ispanskoy estetiki v zerkale religii i filosofii KhKh veka [Self-Consciousness of Spanish Aesthetics in the Mirror of 20th Century Religion and Philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (6A), pp. 19-26.

Keywords

Spanish aesthetics, Ortega y Gasset's philosophy, religion in art, identity, cultural traditions.

References

1. Alvarez Junco, J. *Mater dolorosa: La idea de España en el siglo XIX*. Madrid: Taurus, 2001. 496 p.
2. Costa, J. *Oligarquía y caciquismo como la forma actual de gobierno en España*. Madrid, 1901. 208 p.
3. Eco, U. *The Open Work*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. 288 p.
4. Eliade, M. *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion*. New York: Harcourt, 1957. 256 p.
5. Ganivet, A. *Idearium español*. Granada: Ed. Comares, 1897. 168 p.
6. Gadamer, H.-G. *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow: Progress, 1988. 704 p. (In Russian)
7. Gracia, M. *La filosofía de Ortega y Gasset*. Barcelona: Ariel, 1996. 312 p.
8. Lorca, F. G. *Krovavaya svadba* [Blood Wedding]. Moscow: Iskusstvo, 1975. (In Russian)
9. Lorca, F. G. *Dom Bernardy Alby* [The House of Bernarda Alba]. Moscow: Iskusstvo, 1975. (In Russian)
10. Ortega y Gasset, J. *La deshumanización del arte*. Madrid: Revista de Occidente, 1925. 128 p.
11. Ortega y Gasset, J. *La rebelión de las masas*. Madrid: Espasa-Calpe, 1930. 208 p.
12. Ortega y Gasset, J. "Yo soy yo y mi circunstancia". In: *Meditaciones del Quijote*. Madrid: Renacimiento, 1914.
13. Payne, S. G. *Spain: A Unique History*. Madison: University of Wisconsin Press, 1991. 320 p.
14. Tarnal Basque, E. *Catalunya i la regeneració espiritual d'Espanya*. Barcelona, 1916. 72 p.
15. Unamuno, M. *Del sentimiento trágico de la vida*. Madrid: Renacimiento, 1906. 304 p.
16. Vicente y Guerrero, G. (ed.). *El renacimiento ideal. La pedagogía en acción de Joaquín Costa*. Zaragoza: Institución "Fernando el Católico", 2014. 318 p.